

(Продолжение, начало в номерах от 20, 27. 02., 20 и 27.03)

Как же много можно узнать о человеке, внимательно изучая его воспоминания! Читаешь дневники Александра Петровича Олферьева, и перед глазами невольно возникает образ личности неординарной, умелого хозяйственника, охотно перенимающего передовой опыт и пытающегося применить все это в своем поместье в Уде. Человека искреннего, порядочного, живущего по закону совести, недаром он был членом офицерского суда чести. Опытного организатора и дипломата, умевшего найти подход к людям разных социальных слоев даже в смутное время 1905, 1917 годов.

ГОСУДАРЕВА

СЛУЖБА

«8 августа 1888 года, после маневров, Император Александр III поздравил нас подпоручиками, и я, как портупей-юнкер, получил старшинство в чине с 1888 года. Вернувшись из лагеря в Петербург, я надел офицерский мундир...

В свободное время я посещал вечера в лагерном собрании, где дирижировал танцами, а на концертах принимал участие как исполнитель сольных номеров по пению и не без успеха. Выступал я и на платных концертах под вымышленной фамилией, так как офицеры публично выступать не могли, а тем более в военной форме. Начальство мне мировило и делало вид, что не знает ничего».

Дальнейшая служба была связана с Ростовом. В этом городе Александр Петрович познакомился со своей будущей женой. Предложение сделал ей в поезде, когда Маргарита уезжала. Тайком послал денщика взять билет до Москвы и, никому ничего не сказав, сел в вагон. «Я вошел в вагон, и объяснил ей причину моей проделки, и тут же сделал ей декларацию (предложение). В Москву мы прибыли уже женихом и невестой. Так на 36 году закончилась моя холостая жизнь».

Суд чести

Еще один эпизод, ярко высвечивающий личность Олферьева. В его бригаду был

переведен один поручик, на которого ростовский купец Андрей Александрович Титов – «личность очень мерзкая и низкая, хотя он и был в чине Действительного Статского Советника (штатский генерал), пустил пошлую сплетню, и вышла крайне неприятная вещь для всей нашей бригады. Дело об этом офицере было передано в наш Суд. Выяснение поручили мне». Олферьев выяснил, что Титов не имел никаких оснований для этой сплетни и настоял, чтобы офицер потребовал от Титова извинений. Тот отказался и от дуэли, и от извинений. Тогда Александр Петрович подсказал офицеру встретить Титова на улице и отлупить его манежным бичом. После этого Титов принес свои извинения.

Рачительный хозяин

Рачительный хозяин, Александр Петрович охотно перенимал опыт других помещиков, знакомился с бытом крестьян из других волостей. Весьма любопытны его воспоминания от поездок, будучи уже на гражданской службе земским начальником в Ярославской губернии.

«Собственный капитал села Поречье был свыше 250 тысяч рублей и хранился в процентных бумагах в Волостном Правлении, но разбивался на отдельные части. Капитал для бедных и проценты с него шли на уплату недоимок с бедных жителей села по сельским, волостным и казенным налогам или при каком-либо отдельном несчастье крестьян. Капитал для бедных невест и проценты с него шли на приданое при выходе замуж. Также был капитал для сирот и престарелых, капитал для дома богадельни. Улицы в селе были вымощены булыжником и содержались в большом порядке. Большой трактир этого села был очень хорош, где подавалось все что угодно, вплоть до кофе, коньяка, ликеров и разных вин...

Когда мой отец был у меня, он хотел видеть, как живут крестьяне, и я поехал с ним к крестьянину Михаилу Никифоровичу Вахромееву, жившему неподалеку. У него был большой каменный двухэтажный дом, отлично меблированный. Подъехали к подъезду, и я нажал кнопку звонка. Отворила горничная, и по хорошей парадной лестнице мы поднялись в переднюю... У Вахромеева был завод по выработке пшеничного и ржаного крахмала. Завод находился на отведенной ему обществом надельной земле, за которую он платил 300 рублей в год».

Умелый дипломат

Во время волнений в революцию 1905-1907 годов в полной мере проявился талант земского начальника Олферьева, как умелого дипломата и оратора.

«На сходах я вел дело уверенно, и население начало подчиняться моему направлению. В моем участке было более 36 тысяч человек, а часть крестьян была жителями города. На сходах я говорил открыто о пропаганде. Это многих отрезвило».

Когда началась первая империалистическая, и в деревне не стало хватать рабочих рук, Олферьев подумывал перейти на обработку земли тракторами и обратился к уполномоченному от России в Америке, прося его сообщить, каким образом можно приобрести тракторы, считая, что ему понадобятся три машины. Но шедшая война помешала осуществиться этим планам.

Еще одна задумка Олферьева: «Поставить мельницу, где двигатель отапливался бы нефтью, так как нефть тогда была недорога, и получать ее цистернами было

легко...»

Член Революционного Совета

В 1917 году, когда власть перешла в руки Временного Правительства, положение земледельцев стало очень тяжелым. Олферьева избрали членом Революционного Комитета. «На третий день к Управе явился весь полк без офицеров и без ружей. Я был в своей обычной военной форме. В первый раз в жизни и, к счастью, в последний, мне пришлось встать на стол вместо трибуны и держать речь.

Подробно описывает Александр Петрович и выборы членов учредительного Собрания, которые должны были проходить в сентябре. Олферьев вместе с женой поехал в Атемар, где они опустили в урну свои бюллетени. Потом поехали в волостное правление, откуда его жена должна была позвонить по телефону, так как в Уде телефон не работал. Олферьев остался в шарабане ждать ее, как вдруг один из проходивших мимо крестьян бросил в него камень. Олферьев, хотя и был весь в крови, задержал крестьянина, оказалось, что это житель села Атемар некто Пакшин, только что вернувшийся на родину с фронта. Александр Петрович с женой укрылись в доме священника. За воротами слышался гвалт толпы. Время шло, но в ворота не ломались. Отправив жену в Уду в экипаже, сам он пешком пошел через поле в сторону своего поместья. Его заметили, но Александру Петровичу удалось скрыться. Когда он уже подходил к дому в Уде, увидел, что ему навстречу шла толпа удинских крестьян, отправившихся в Атемар выручать его. «Они узнали от жены о происшедшем со мной несчастье. Один из крестьян сказал: «Если он выйдет в поле, то его не поймают. Не такой он. Он охотник и сумеет уйти от них».

Тем не менее, Олферьев понимал, что Уда доживает последние спокойные дни. Сам он с женой перебрался в Саранск. «Подшло 21 ноября – Праздник Введения – Престольный Праздник. В этот день на Уду налетели монастырские, скрябинские и павловские крестьяне и совершился разгром усадьбы. Все из дома растащили, и самый дом подожгли. Это меня совсем убило. Все в Уде погибло, и сделать что-либо нельзя. Надо было ехать в Симбирск, где были мои два сына... В Саранске в это время начали грабить казенный винный склад...»

Персона особого уважения

О предприимчивости и деловой хватке Александра Петровича свидетельствует и его работа в Казани, когда он снабжал Москву продовольствием. Он работал совместно с Союзом кооператоров Чистопольского уезда.

«В городе был склад вин и у одного из бывших торговцев имелся большой запас настоящего заграничного шампанского. Конечно, он скрывал это и отпускал шампанское лишь мне. Это шампанское я доставал для Казани. Отправлять приходилось лично на пароход, так как досмотр производила команда морячков – чистейших грабителей. Этой команды все боялись в городе. Я же для этих разбойников был персона особого уважения, так как поручал им доставку товаров для моих складов, за что обильно снабжал их за провоз и сахаром и мануфактурой. Все, конечно, с ведома Москвы».

Вместе с тем, Александр Петрович был человеком сильной воли и мужества. Особенно это проявлялось в дни тяжких испытаний, посланных ему судьбой. Но он все перенес с достоинством: смерть сына, аресты, приговор к высшей мере наказания – расстрелу, замененный заключением. Но даже в тюрьме ему удалось завоевать уважение. В

камерах Александр Петрович читал лекции по сельскому хозяйству, садоводству, по политическому положению в стране.

О многом говорят и такие строки из дневника: «Уже течет 1951 год, а мне лично идет 84 год, и я подхожу к концу жизни. За 84 года я, старый монархист, пережил немало, много видел старого и нового, и во многом изменился мой взгляд на жизнь. Сознаюсь, упорный монархист стал беспартийным коммунистом в душе

Фото:

1.

На этой старинной фотографии из семейного архива Александра Петровича, запечатлевшей его свадьбу в имении, наверняка есть и соседи Олферьевых Татищевы, Филатовы, с которыми они состояли в родстве, а также сосед и добрый друг Николай Дмитриевич Федорчуков.

2.

А на этом снимке запечатлен клад, найденный Александровскими школьниками на острове, где после революции жил Н.Д. Федорчуков. Ныне эти предметы обихода:

столовые и чайные серебряные ложки, серебряная кружка, серебряные сливочки, хранятся в республиканском краеведческом музее.